

фантастическая
история

Книги Михаила Королюка
в серии «Фантастическая История»

СПАСТИ СССР. ИНФИЛЬТРАЦИЯ
СПАСТИ СССР. АДАПТАЦИЯ
СПАСТИ СССР. МАНИФЕСТАЦИЯ
(в соавторстве с Николаем Феоктистовым)



МОСКВА, 2018

фантастическая
история



Михаил Королук,
Николай Феоктистов

Спасти СССР. Манифестация

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К68

Серия основана в 2010 году
Выпуск 131

Королюк М. А., Феоктистов Н.

К68 Спасти СССР. Манифестация: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 312 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2690-4

Легко ли это — столкнуть колесо истории с наезженной колени? Да в нужную сторону? Андрей Соколов пытается. Он еще помнит, как жилось в СССР, и знает, что было потом.

В подарок от Сущности, что послала его корректировать прошлое, он получил молодое тело и доступ к знаниям всего человечества. Но хватит ли этого, когда ты вновь стал порывистым подростком и жизнь, что на расстоянии вытянутой руки, для тебя не менее важна, чем вызываемые тобой движения геополитических плит за горизонтом? Его ищут могущественные спецслужбы, о нем думают мировые политики. А он о них думает не так уж и часто — у него свои проблемы.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Королюк М. А., Николай Феоктистов, 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2690-4

*Во мне горит двадцатый век!
И бьет набатом память павших,
Нас защищая — теплом ставших...¹*

ПРОЛОГ

*Вторник 28 февраля 1978 года, день
Ленинград, Измайловский проспект,
исполком Ленинского района*

Чистый девичий голос звенел, наполняя зал. Взлетела вверх рука, распахнулась над головой ладошкой, и тонкие подрагивающие пальцы собрали взгляды зала. Сквозь щелку кулисы мне был виден Женькин профиль с пятном горящего на скуле румянца. Одинокая хрупкая фигурка в черно-белой школьной форме, каплей алой крови на груди — значок и жесткий свет в лицо...

Все верно, так и задумывалось: никаких полутонов — победа или смерть.

Женя шла сразу за моим вступлением, задавая общий тон нашей программы. С трудом, не сразу, но мне удалось научить девушку входить в состояние контролируемой ярости — помогли старые фотографии из ее семейного альбома да глуховатый рассказ седой как лунь прабабки о шевелящейся над расстрельным рвом земле. На репетициях, перед выходом, взгляд Жени теперь проваливался на глубину, прежде ей недоступную, и что-то она там видела такое, отчего на сцену ступала уже незнакомкой. Жар, что стеной вставал в ней в такие моменты, мог обескуражить невольного наблюдателя.

Первый ряд в полутемном зале занимало жюри — представители райкома и районо. За ними — уже выступившие агитбригады других школ, родители, педагоги. Рядком наши: подавшийся вперед военрук, застывшая лицом Тыблоко, брюнетка-«завуч» и Мэри с по-детски приоткрытым ртом. Где-то, не вижу где, Томина мама, отпросившаяся по такому случаю с работы, и сюрпризом при ней — Варька з Шепетовки.

¹ Стихи М. Королюка.

Все слушают и, кажется, слышат.

«Это хорошо. — Я перевел дух и провел вспотевшими ладонями по штанам. — Это обнадеживает».

Мы шли последними. Мне показалось это хорошим знаком: когда жюри будет принимать решение, разбуженные эмоции будут еще свежи.

Было ли это подыгрываем?

Несущественно, решил я. Все равно наша программа настолько резко выламывалась из бравурного ряда ей предшествующих, что очередность выступления была уже не столь важна.

— Или пан, или пропал, — беззвучно прошептал я и повернулся к Паштету: — Готов?

Тот облизнул побелевшие губы и решительно кивнул.

— Пошел. — Я слегка подтолкнул его в спину, выпуская на сцену.

Ему навстречу шагнула Женька. Взгляд у нее был отчаянным, а руки мелко тряслись. Ее тут же уволокли вглубь, к столу с водой.

— «Поршень прогресса толкают горящие души! Слушай!..» — уверенно заскандировал Пашка.

Я замер, пробуя на слух.

Нет фальши. Справляется. Молодцы мы — и он и я.

У кулисы, нервно переминаясь с ноги на ногу, выстроилась следующая тройка — в настоящей полевой форме РККА, арендованной из развалов театрального реквизита. Потертые «мосинки», что оттягивали девичьи плечи, привез откуда-то военрук — сразу после того как побывал на нашей первой большой репетиции.

— Девочки! — Я по очереди заглянул им в зрачки. — Вдохнули. Выдохнули. Расслабили горло. Все будет хорошо. Три. Два. Один. Пошли!

— «Вставай, страна огромная...» — Соло Алены, поначалу негромкое, начало свое восхождение в крещендо. Корни моих волос пропахало колючей дрожью. Мелкая суета, царившая по эту сторону занавеса, замерла сама собой; молчание зала стало оглушительным.

«Поразительно, — успел удивиться я, — как много смысловых пластов впессовано всего в три слова! Слышишь — и тебе на плечи опускается глыба той войны, а ты от этого распрямляешься».

— «Пусть ярость благородная...» — К голосу солистки, опять ставшему негромким, присоединилось еще два. Да, эти послабее тянут. Зато хором. Вместе.

Я приник к шелке. Моя Томка стояла с ближнего края: кирзачи, скатка через плечо... И кокетливо сдвинутая набок пилотка!

Опять! Опять ведь успела тайком от меня ее сдвинуть!

Да, на Томе мои педагогические таланты отчего-то сбояли — она желала выглядеть в военной форме привлекательно, и баста! Все мои пассажи про художественный образ, необходимый в этой сцене, проскальзывали мимо ее прекрасных ушек. В итоге с ней я как режиссер-постановщик оказался наименее убедителен. Зато, словно в порядке компенсации, из Кузи и Мелкой можно было лепить, как из пластилина, что душе угодно.

Голоски, правда, у них были хоть и чистыми, но слабенькими, поэтому номера ставили под «фанеру». Вытягивали на артистизме. У Мелкой в роли вьетконговки сразу, словно тут и был, прорезался необходимый светлый трагизм. А из Кузи вышла ну совершенно неотразимая кубинская партизанка: в гимнастерке из светло-оливковой ткани (три верхних пуговички которой были постоянно расстегнуты), в галифе и надвинутом на глаза мягком кепи... В общем, шел отыгрыш «нашей дрянной девчонки с автоматом». Песня, пусть и отличная, была не главной изюминкой в ее выступлении: парням до чертиков нравилось смотреть на то, как она поет. Они могли делать это вновь и вновь.

Да что там парням! Даже мне как-то подумалось, что присоединиться к одному с ней партизанскому отряду могло бы оказаться неплохой идеей...

Недлинная наша программа тем временем уверенно катила к финалу. Вернулся Сёма и принялся приставать ко всем с «а как я?». Выскользнула со сцены Мелкая и подошла ко мне все с тем же молчаливым вопросом в глазах.

Я одобрительно кивнул, покосился на тонкие щиколотки, что выглядывали из-под завернутых шаровар, и искренне похвалил:

— Даже очень интересно получилось!

Прислушался к Кузе — пора. Одернул замурзанную телогрейку, прижал ко лбу ребро ладони, проверяя посадку пилотки, оглянулся. На меня смотрели ожидая.

Я подмигнул:

— Пошли, покажем, как Городницкого надо петь.

Держась за руки, мы шагнули на сцену. Потом сидели в зале, ерзая в мучительном ожидании. Я удивлялся про себя: «Ладно, понятно, зачем это надо мне. Но ребятам-то это все отольется максимум строчкой в выпускной характеристике!»

Видимо, я все же переволновался — отключился, уйдя в себя, и решение жюри прослушал. Очнулся неожиданно — меня вдруг начали восторженно бить по плечам. Довольно разулыбалась обернувшаяся Тыблоко, радостно замахала руками Мэри, а особо храбрые подруги сподобились приобнять меня с двух сторон.

Но не это занимало меня в тот момент. Огонь, как выяснилось, я разжечь могу. Но готов ли, если понадобится, швырнуть этих детей в топку Истории? Это был совсем другой вопрос, и я собирался подумать об этом когда-нибудь потом. Или, если повезет, не думать вовсе.

ГЛАВА 1

*Четверг 2 марта 1978 года, день
Ленинград, Красноармейская улица*

«Четверг. Завтра, значит, пятница...» Моя левая рука напряженно подрагивала. Тарелка горохового супа, наполненная щедрой Карповной до самых краев, угрожающе кренилась то в одну, то в другую сторону. Я пробирался к свободному столику, не сводя с бунтующей посуды укоризненного взгляда. Бефстроганов с макаронами в правой руке вели себя не в пример флегматичней.

Да, меня опять слегка потряхивало. Ведь за пятницей наступит та самая суббота. А потом — то самое воскресенье. Два дня — две давно запланированных операции. Кучно пошло... И не развести никак.

Со вздохом невольного облегчения я сгрузил свой обед на стол и оглянулся. За мной, забавно прикусив уголок губы, торопилась со своими тарелками Мелкая.

Тоже была та еще операция, пусть и в масштабах школьной столовой... Добрый ангел раздатки, тайком подкармливающая балбесов, что спускают обеденные деньги на сигареты, смотрела на меня, пока я излагал свою просьбу, мудрыми глазами черепахи Тортиллы.

— Да знаю я твою девочку. — Карповна согласно прикрыла набрякшие веки. — Правильная.

— Вот, — суетливо всучил я ей пачку талонов на обеды, — здесь на март. Хорошо?

— Хорошо. — Морщинистые щеки дернула усмешка.

— Меня здесь не было? — уточнил я напоследок, обеспокоенно заглядывая в выцветшие от старости глаза.

— Не было, не было, — согласилась она и припечатала во след: — Монте-Кристо недорощенный...

Не знаю, когда и как Карповна пошушукалась с Мелкой и что именно ей сказала, но одной проблемой стало меньше, и я вздохнул с облегчением.

«Четверг. Завтра, значит, пятница... — Я понял, что стою, уставившись взглядом в белокафельную стену, и одернул себя. — Все будет пучком, не дрожи».

Оглянулся — Томки с Яськой не видать, наверное, побежали «носики попудрить».

— Ну как у тебя дела? — сел рядом с Мелкой.

Та чуть заметно дернулась, приоткрыла рот для ответа...

— О, наш герой! — Напротив опустилась «завуч по внеклассной». В глазах ее светилась веселая приязнь. Следом ожидаемо возникла Мэри, с горкой творожных ватрушек, конвертов с яблочным повидлом и припудренных румяных булочек на тарелке. Советская сдоба под молоко явно произвела на американку впечатление, и за прошедшие полтора месяца щеки у нее округлились.

Да, эта контрастная парочка — брюнетка из КГБ и рыжая с не стершимися до конца повадками хиппи — все время теперь таскаются вместе и, похоже, получают от этого какое-то удовольствие. Хихикают о чем-то своем на переменках; порой то-ропливо срываются куда-то из школы сразу после последнего урока. А один раз даже выбрались с чердака, словно две лисы из удачного загула по курятнику — в пыли, паутине, но с одинаково довольными улыбками на мордочках, только и разница, что одна была огненно-рыжей, а другая — чернобурой. Потом как-то очень быстро в заброшенной астрономической башне зашевелились ремонтники, пошел слухок о найденном в глухом углу школьном телескопе времен чуть ли не мироведческих кружков конца двадцатых годов... Теперь я с огромным удивлением наблюдал за совершенно неожиданным зигзагом истории — на глазах оживающей школьной астрономической обсерваторией.

Присутствие оперативницы КГБ в школе меня забавляло. Да, было сразу понятно, что не я тому причиной: идет обычная контрразведывательная профилактика по иностранке да мягкий поиск подходов на перспективу. Однако ведь где-то за стенкой Большого Дома пытаются нащупать и меня...

«Знали бы они, как близко к их сотруднику я нахожусь», — думал я порой и позволял себе щуриться на брюнетку чуть снисходительно. Похоже, ее это слегка интриговало.

— Мы вчера в горьком комсомола были, — посерьезнев, сказала «завуч». — Поздравляю: слух о нашем выступлении туда уже дошел. Актив города с интересом ждет финала.

Мэри на секунду оторвалась от перемалывания ватрушки и энергично покивала, подтверждая сказанное.

— Ну... — развел я руками в показном недоумении, — пусть ждут, я же не против.

— Может, — предложила брюнетка, — показать, пока есть время, режиссеру? Нормальному режиссеру, — уточнила она быстро, увидев, как я покривился, — наверняка ведь опытный взгляд найдет что улучшить.

Я задумался было, потом решительно затряс головой:

— Нет, сейчас главное — настрой выступающих. Это, — я прищелкнул пальцами, — свое, выстраданное. Это они будут выплескивать. А режиссер со стороны превратит их в неловких марионеток. Нет.

— Возможно... — По Чернобурке не было заметно, чтобы мой отказ ее как-то расстроил. — Я думаю, что у нас и сейчас хорошие шансы на победу.

— Еще бы... — хмыкнул я, невольно посмотрев на Мэри.

Над переносицей у комитетчицы нарисовалась задумчивая складочка. Она даже жевать стала медленнее.

— Но мы тоже молодцы, — торопливо добавил я.

Чернобурка наклонилась вперед и нравоучительно помотала приподнятой вилкой:

— Нет, Андрей, ты не прав — все идет честно. Но ход мыслей... перспективный. — Она покосилась на увлеченно вгрызшуюся в песочный коржик Мэри и, чуть поколебавшись, добавила: — Кстати, если будут еще идеи... по внеклассной работе — you are welcome¹.

Я уставился на нее, быстро просчитывая.

«А что, это вариант. Вполне можно зайти и с этой стороны. Все равно мне для задуманного куратор будет нужен...»

— Что? — Чернобурка прочла что-то по моему лицу, и взгляд ее оживился любопытством. — Есть мысли?

— Есть. — Я решительно отложил в сторону помятую алюминиевую вилку и подался ей навстречу: — Школьная поисковая экспедиция по местам боев на майские. Дней на пять. Десять—двенадцать школьников, два-три руководителя.

¹ добро пожаловать (англ.). — Здесь и далее примеч. авт.

— Что искать-то? — не поняла «завуч».

— Непогребенных. Именные вещи. Документы. Награды.

— Ох... — Она посмотрела на меня с удивлением и каким-то неожиданным уважением. Прикрыла на пару секунд глаза, что-то прокручивая в уме, потом отмерла. — Мне надо будет подумать... И посоветоваться. А есть что-то на примете?

Я кивнул:

— Под городом Холм в Новгородской области есть Пронинский лес. Там наши в сорок втором замыкали Демянский котел — силами сведенных в морскую бригаду курсантов-подводников, рыбаков с Арала и моряков Каспийской флотилии. Немцы называли их «черной смертью». По итогам тех боев комдив издал приказ с интересной строчкой: «Наградить всех без исключения...» Дед один, попутчик, рассказывал, что там по лесам до сих пор... — Я запнулся, подбирая слова, потом поморщился и махнул рукой: — В общем, надо ехать, поднимать.

Чернобурка озабоченно поцокала языком:

— Непростое мероприятие... Очень непростое.

— Да, — согласился я, — непростое, знаю. Но я обдумывал регламент. Сделать можно. Естественно, никакой детской самодельности — нужны руководители, желательно — офицеры-отставники не из штабных. И, на всякий случай, с саперной подготовкой. От местной милиции разрешение. Но при наличии воли, — я указал глазами вверх, — может получиться очень интересно. И перспективно в плане дальнейшего развития в молодежное патриотическое движение.

— Так. — Брюнетка еще немного подумала, а потом решительно отодвинула пустую тарелку. — У тебя сейчас что?

— Алгебра.

— Я снимаю тебя с урока. Пойдем, поговорим поподробнее. — Она поднялась из-за стола.

— Меня, — подскочила, оставив на тарелке последнюю надкушенную булочку, Мэри, — меня возьмите! Я тоже хочу на «черную смерть»!

На миг вид у Чернобурки стал довольным, точно у кошки, удачно насадившей на коготь жирную мышь. Потом лицо ее разгладилось:

— Конечно, Мэри, — пообещала она легко, — если соберемся — возьмем. Пошли, Андрей.

Я оглянулся на Мелкую и, извиняясь, неловко развел руками:

— Давай до... — и запнулся, прикидывая. — До понедельника, хорошо? У меня так плотно всяких дел набилось...

Она вскинула на меня глаза и хотела что-то сказать, но потом лишь молча кивнула, и я поспешил за черно-рыжей парочкой.

Пятница 3 марта 1978 года, день

Ленинград, ул. Чернышевского, консульство США

Чоп. Чоп.

Фред, искоса наблюдавший за Синти, болезненно поморщился.

Опять блеснуло узкое лезвие.

Чоп — от корнеплода отвалилось еще одно тоненькое полукружье.

Чоп, чоп, чоп... — Синти препарировала овощ точными наработанными движениями. Потом ловко крутанула нож и наколола крайнюю дольку на кончик. Поднесла к носу и, зажмурившись, понюхала. На лице ее проступила блаженная улыбка.

Джордж с укоризной покосился на Карла. Тот закашлялся дымом и нервно взмахнул трубкой.

— Ладно-ладно! — вскинул руки, словно сдаваясь в плен. — Согласен. То была плохая идея. Моя плохая идея. *Mea culpa*¹.

Синти предпочла сделать вид, что не поняла:

— Идея? — Подщипанная бровь изогнулась в дугу, но взгляд девушки остался прикован к кусочку перед носом, а голос был на удивление равнодушен: — Я что-то важное пропустила?

Сладковато-острый запах, идущий от золотистой дольки, манил, играя полутонами: то чудился легкий аромат подвяленной груши, то на первый план выходила дразнящая нотка сушеного имбиря. На зубах зудел фантом плотной похрустывающей мякоти.

Рот Синти наполнился слюной, и она торопливо вгрызлась в репу. Довольно крупный, в два кулака, корнеплод был перемолот за пару минут.

¹ Моя вина (*лат.*).

— Уф... — Оперативница откинулась на спинку кресла и довольно похлопала себя по животу. — Хорошо-то как... Вот теперь можно и ушками заняться. — Демонстративно не глядя на потрясенно молчащих коллег, Синти подтянула к себе очередную пухлую папку и деловито зашуршала отпечатками.

Да все она, конечно, давно поняла, не совсем уж дура, чай! И откуда у нее появилось это странное пристрастие, и какой факир чертов в этом виноват? Осталось только решить, как взыскать с Карла этот долг. А задолжал он не меньше ведра своей поганой крови, и это по самым скромным прикидкам. И... Нет, она ни за что не даст себя раскодировать!

Началось все с месяц назад. Если бы КГБ смог тогда засунуть нос в вализу, что доставил дипкурьер, он был бы, пожалуй, обескуражен. И правда, чем, кроме коварного отвлечения внимания от операций разведки, можно было бы объяснить находившуюся там подборку микрофильмов с трудами антропологов по очень узкой теме — форме ушных раковин у людей? Наверное, не меньше были удивлены чуть раньше и работники национальной медицинской библиотеки в Мэриленде, получившие такой заказ от ЦРУ.

Фред еще поехидничал:

— Так, — потер деловито руки и посмотрел свысока на Синти, — теперь ты будешь крупнейшим экспертом ЦРУ по usham. Или по ukham? Кстати, заодно и с этим тоже разберись.

И она села разбираться. Ничего сложного в том не оказалось, но теперь в вечерних дремах перед ее внутренним взором проплывали мочки, противокозелки и ладьевидные ямки. Уши оттопыренные и уши прижатые, с отдельной или сросшейся мочкой, округлые и квадратные, бесконечные уши вошли в ее жизнь и по-хозяйски там устроились. Они стали притягивать взгляды на улицах. Теперь первым делом она смотрела не в глаза, а на уши и радовалась, обнаружив там какую-нибудь редкость навроде рудиментарного Дарвинова бугорка. Через неделю она могла классифицировать любое ухо навскидку по пятнадцати основным признакам всего за три-четыре секунды.

Затем пришла пора фотопленок, что начали сдавать русисты. Полторы сотни фотопленок в неделю! Проявить, зафиксировать, высушить, просмотреть и выборочно напечатать... И изучить кадры, выискивая подозрительные уши!

Она уже мечтала о пробежках по городу, что раньше задавал ей Фред. Подумаешь, три часа по холоду да на своих двоих! И что ей в том не нравилось? Свежий воздух, дневной свет, люди, разнообразие ленинградских улиц и даже адреналин при очередном обнаружении наружки. Теперь же она выползала из подвала консульства, где была расположена фотолаборатория, вся провоняв реагентами; глаза ее покраснели, а отражение в зеркале пугало, наводя на тревожные мысли об оголодавшем упыре.

В принципе-то ничего особо сложного в той работе не было. Подавляющая часть ушных раковин уверенно отсеивалась опытным взглядом сразу — разница между эталоном и образцом теперь просто бросалась ей в глаза. Были проблемы с качеством снимков, с ракурсом, приходилось давать русистам задания на пересъемку конкретных подростков, но все это было решаемо. Печаль была не в том.

Спустя две недели она подвела черту и пошла к Фреду на доклад.

— Этого и следовало ожидать, — кисло заметил резидент, разглядывая сводные таблицы.

Три десятка подростков с ушами, весьма похожими на «эталонные». Похожими, очень похожими, но, мать его, не идентичными!

Карл сгреб листы и, дальнозорко отставив, придирчиво изучил каждую строчку.

— Так... — поднял задумчивый взгляд. — То есть у нашего «эталона» нечетко определен размер межкозелковой вырезки и угла между завитками? А давай-ка попробуем накатить еще один рисунок. Садись, девочка, расслабляйся, — и он потянул с пальца кольцо.

И они попробовали раз, через день — еще, а потом и в третий раз... Именно тогда, после третьего раза, выйдя из гипноза, она поймала на себе пакостные, ждущие чего-то взгляды исподтишка. Огляделась, отметив глумливую гримасу Фреда, холодное торжество в глазах Карла и какой-то оттенок игривого сочувствия у Джорджа, — и встревожилась.

Сразу, впрочем, ничего не случилось. Мужики заговорили о работе, Синти заварила кофе, сделала первый глоток, все пытаясь расшифровать непонятное поведение коллег, и тут перед внутренним взором встала Она: вся такая золотистая,

идеальных пропорций, с нежным горьковатым ароматом и сочным богатым вкусом... Слюна волной затопила рот.

Откуда-то пришло знание, что называется этот овощ герка и что купить его можно на ближайшем рынке.

Синти оставила недопитый кофе и, приняв деловитый вид, торопливой рысцой рванула из кабинета. Выскакивая, услышала за спиной дружные смешки.

— Идиоты, — с мрачным удовлетворением ругалась она вечером в своей квартире, — кретины малолетние...

Только что она сгрызла сразу две репки покрупней и теперь мучилась изжогой и желанием разделаться с еще одним овощем.

Впрочем, решила Синти, удовольствие того стоило. Ничуть не хуже тех крабов с черными трюфелями, что были как-то на дне рождения деда. И продается этот корнеплод буквально по центам за килограмм.

«Идиоты, — повторила она про себя, — да они просто сделали мне подарок. Но — небом клянусь! — я запью его их кровью!»

Впрочем, придумать, как быстро выщедить из мужиков вожделенные пинты, Синти не смогла и перешла к осаде. Сегодняшняя сцена публичной разделки репы была одной из домашних заготовок. «И гляди как, — удивилась она про себя, — пробила совесть, или что там у них вместо нее».

— Синти, — Карл с тяжелым вздохом опустился на стул напротив. — Ты просто не понимаешь.

— Да? Так объясни. — Она метнула в него тщательно отретированный взгляд, тяжелый, как ядро из Царь-пушки.

— Девочка, так шутят только со своими. — Он смотрел на нее пристально, чуть склонив голову набок.

Она аж зашипела от злости:

— И что теперь, мне спасибо вам за это сказать?!

Карл встал и, улыбнувшись уголками рта, бросил ей:

— Просто не будь слишком кровожадна в своей мести. Мы же команда. Давай, — он потянул с пальца кольцо, — раскодирую тебя.

— Не, не, не... — Синти яростно замотала головой. — Все! То был последний сеанс моего гипноза.

— Клянусь... — заговорил было Карл торжественным тоном, но девушка прервала его твердым «нет».

— Понравилось, значит, — понимающе ухмыльнулся в усы Фред.

— А с тебя особый спрос. — Синти резко обернулась к нему и хищно сощурилась. — Начальничек...

Резидент вяло отмахнулся:

— Да ладно тебе... Нет, ну правда, виноват. Согласен. Застоялся без дела в кабинете, вот и потянуло на дурь всякую. Я тебе должен, признаю.

Синти опустила глаза и потянулась к отпечаткам. Это надо было обдумать.

— Много осталось? — поинтересовался Карл с сочувствием в голосе.

— Пересматриваю... — процедила девушка.

— Все то же самое?

— Проклятая мода на длинные волосы, — пожаловалась Синти, — четверть ушей мы вообще не увидели!

— Да ладно, — бросил Карл, — будем считать, что тот носит короткую прическу. Ты же увидела его ухо целиком? — И он повернулся к Фреду: — Ну что, может, подведем уже промежуточный итог?

Резидент забросил руки за голову и уставился в потолок.

— Подведем. — Пожевал уголок губы и продолжил: — Итак, все похожие уши жили в последние годы в Ленинграде, никто не переехал. У них вообще мобильность населения низкая... Лучников-китаистов тоже не видно. Синти, ну-ка давай свои выводы.

Девушка мотнула головой, отбрасывая челку набок, и легко — ведь думала об этом не раз — начала излагать:

— Во-первых, мы уверенно классифицировали не больше половины из интересующих нас ушей. Прически — раз. Практиканты не могут вести сплошную съемку — это не замотивировать, два. Приходится снимать много случайных эпизодов, но гарантировать, что там есть все подростки, невозможно. Кто-то мог эти недели болеть, кто-то просто не попал в кадр. Поэтому продолжаем набирать снимки и искать. — Она поморщилась и привычно помассировала глаза.

— Так, — согласился Фред.

— Во-вторых, если оставаться в принятой парадигме «отца и сына»...

— Какие ты слова, оказывается, знаешь! — громко воскрился из своего угла Джордж.

— ...То предположение об английской школе вполне логично, — невозмутимо продолжила Синти. — Но не обязательно. Могут быть причины, по которым такой сын ходит в другую школу. Например, у него способности к спорту, музыке или математике. Тогда он может заниматься в специализированных школах иного профиля. Их немного, но они есть, и довольно высокого уровня.

— А это интересно, — оживился Фред, — думала, как достать?

— Да, — сказал Синти, — соревнования, конкурсы, что там у них еще может быть? Надо меня туда подвезти — на уши поглядеть. Возьму фотоаппарат для оперативной съемки... В общем, если увижу, то дело техники.

— Джордж? — Во взгляде резидента прорезался отчетливый интерес.

Оперативник задумчиво почесал небритый кадык.

— Поработаю, — кивнул, — насколько понимаю, у них как раз по весне проводятся итоговые соревнования и олимпиады в масштабах города. Мероприятия открытые...

— Мне только время и место надо, — оживилась Синти, — сделай список, хорошо? Оденем куклу под меня, уйду из машины в отрыв... Вроде Комитет нашего трюка еще не раскусил.

Джордж прикрыл глаза, соглашаясь.

— Дальше. — Фред смотрел на Синти на редкость серьезно.

— Дальше тот переехавший из Москвы мажористый подросток, что мелькал у местных спекулянтов. Надо доработать с ним.

Фред понимающе переглянулся с Карлом.

— Да, мы уже почти готовы. Еще?

— Еще, еще... — забормотала она, растерянно опуская взгляд. — Все! Без новых данных больше никаких возможностей в Ленинграде не вижу.

Резидент разочарованно цыкнул зубом:

— М-да... Вот и я тоже. Парни?

— Согласен, — сказал Карл, — отработываем до упора имеющееся и ждем новой активности «Стрелка». Раз начав, он уже не сможет сидеть сложа руки. Эта игра затягивает, по себе знаю.

Суббота 4 марта, вечер

Ленинград, Литейный проспект, Большой дом

Из Москвы приехала обещанная Андроповым группа поддержки — вся сплошь из людей с внимательными, всепонимающими взглядами, — и работа по американской колонии закипела с новой силой. Внешне ничего не изменилось, но теперь сотрудники консульства и русисты, сами того не ведая, продирались на улицах сквозь паутину невесомых взглядов.

— Поведение — это набор кодов, которые можно расшифровать, — пояснил за вечерним чаем москвич-руководитель. — Любой естественный жест — это не только движение тела, но и движение души. Всегда пересчитывает сдачу? Аккуратно раскладывает купюры по номиналу в разные отделы кошелька? Значит, ценит деньги. Засовывает их в задний карман брюк, не утруждая себе пересчетом? Безалаберен. Использовать можно и первое, и второе — нам сгодится все.

Потом пришла очередь проверочных трюков и зондирующих акций. Американцев, словно подопытных крыс, раз за разом прогоняли через незримые лабиринты и били током.

Аккуратно изъять из кармана трамвайный билет и следом напустить энергичного контролера. Ответная агрессия? О-о-о, да он самоуверен. Значит, будет реагировать на недоверие: сказав такому «не может быть», вы получите вал подтверждающей информации.

А этот всегда пересчитывал в магазине сдачу, но промолчал, когда ему недодали пятнадцать копеек? Застенчив. В разговоре с таким лучше не использовать иронии, замкнется. Зато о самом себе будет болтать охотно, а к внимательному слушателю испытает искреннюю симпатию.

День за днем пухли папки с аккуратно расчерченными таблицами, заполнялись итоговые схемы, уходили в Первое главное управление уточняющие запросы.

Наука... Это целая наука, через жест и слово высветить у объекта слабину, а потом отлить «волшебную стрелу» — индивидуальный вербовочный подход, что оставит жертве лишь немного шансов избежать своей участи.

Наконец настал тот день, когда аккуратно подстриженный ноготь постучал по одной из фотографий:

— Вот этот. Первая кандидатура. И самая лучшая. Остальные варианты менее надежны будут.

— Этот... — пробормотал Минцев с ноткой недоверия и наклонился разглядывая.

С листа с дерзким вызовом смотрел смазливый, форсисто одетый красавчик. Жора сразу испытал к нему легкую антипатию.

— Этот, этот, не сомневайтесь. — Полковник-психолог, напротив, смотрел на американца-русиста с отчетливой приязнью. — Самая очевидная цель. Наш золотой стандарт, можно сказать.

Сидящий во главе стола Блеер негромко прокашлялся, привлекая внимание собеседников:

— Вы, Витольд Янович, все же дайте результаты более развернуто. Подпись-то под санкцией мне ставить. Убедите меня.

— Да, конечно. — Психолог бросил еще один почти влюбленный взгляд на фотопортрет и начал излагать: — Вербовочная разработка объекта проводилась по косвенным оценкам, полученным с помощью наружного наблюдения и оперативно-технических средств. Данные из разных источников хорошо коррелируют между собой и создают непротиворечивый психологический портрет объекта. Выявлен ряд доминирующих черт личности: умен, замкнут, догматичен, практичен, эгоистичен, недоверчив, циничен, без чувства юмора, аполитичен. Кроме того, что особо важно для нас, — имеет высокий уровень притязаний и не удовлетворен своим текущим финансовым положением.

— А это откуда следует? — Блеер заинтересованно подался вперед.

— Последнее подтверждается данными, пришедшими по линии первого главного. Так, был произведен негласный осмотр личных вещей, которые он, съехав со съемной квартиры, оставил на хранение своему знакомому: чуть ли не треть от веса составляют журналы и каталоги с люксовыми товарами и дорогой недвижимостью, которые ему явно не по карману. Удалось также посмотреть в его карточку у стоматолога — много проблемных зубов, большие счета, не все зубы, нуждающиеся в лечении, санированы. Интересно, что, находясь у нас, в разговорах проявлял интерес к советской стоматологии. Также отмечены контакты с мелкими фарцовщиками: яростно торгуется и, судя по ассортименту предлагаемых товаров, явно

уточнял заранее, на что у нас максимальный спрос. Значит, хочет заработать денег на этой поездке.

— Так, — прищурился Блеер с пониманием, — подходим к нему прямо, под своим флагом?

— Да, — с готовностью согласился Витольд, — именно так. Прямо от нас, в лоб, без прелюдий. Вербовочная основа — сугубо материальная. Говорить в понятных ему терминах: разовый контракт на период пребывания в СССР. Много предлагать не надо, загордится. Думаю, три-пять тысяч долларов, и он наш.

— Почему именно столько?

— Накрыть его ближайшую цель — лечение зубов — плюс немного сверху.

— Вероятность активно-негативной реакции на предложение?

— Низкая, Владлен Николаевич, низкая. — Психолог на миг задумался, потом предложил: — Кстати, можно перед подходом попытаться его правильно настроить.

Блеер молча двинул кустистой бровью, требуя пояснений.

— Дня за два-три, — сказал Витольд, — надо помочь ему «потерять» портмоне.

— Посадить на мель? — усмехнулся Блеер.

— Не совсем так. — В голосе полковника неожиданно прорезался слабый прибалтийский акцент. — Он должен потерять немного. Ровно столько, чтобы продолжать испытывать досаду, тогда наше внезапное предложение будет рассматриваться им как компенсация со стороны судьбы. А вот если мы ему «потеряем» все или много, то он ведь далеко не дурак: сложит одно с другим и обидится.

— Очень разумно, — согласился Блеер и повернулся к своему заму: — Сделаем?

— Проблем не вижу, — бодро ответил тот. — Комара или Канарейку напустим. Они где угодно сработают — и на транспорте, и в театре, и на рынке.

— Хорошо. — Блеер еще немного подумал, потом подвел черту: — Я согласен с подходом. Оформляйте планом и на подпись. Кстати, о рынках... С вице-консулом разобрались? Выяснили, отчего она туда зачастила?

Зам озабоченно поморгал, потом в недоумении развел руками.

— Чепуха какая-то происходит, Владлен Николаевич, — признался, поерзав. — Внешне все выглядит, словно она ходит туда всего с одной целью — купить сетку репы.

— Чего купить? — переспросил Блеер, нахмурившись. Ему показалось, что он ослышался.

— Репы, — понимающе хмыкнул полковник. — Идет сразу к нужному ряду, придирчиво выбирает: щупает, чуть ли не обнюхивает каждую — и напрямик оттуда домой.

— Сетка репы? — недоверчиво повторил Блеер. — Что с ней можно делать-то?

Жора заелозил на стуле — ему тоже было любопытно.

— Знаете... — Рука полковника заскребла в затылке, а в голос пробралась извиняющаяся интонация. — Вот все выглядит так, словно она ее ест. По крайней мере, в выносимом из квартиры бытовом мусоре находим отрезанные вершки и корешки в точном соответствии с числом купленных корнеплодов. Мы прикинули — примерно по полкило в день получается.

— Ест?! — Блеер поморщился и потряс головой, словно все никак не мог поверить в услышанное. — Ешкин кот, вот это дела...

— Пойдите. — Москвич-психолог вдруг резко подался вперед. — Я правильно понял, что у этой Фолк неожиданно появилось странное вкусовое пристрастие?

— Да, — кивнул зам, — очень странное.

Все выжидающе посмотрели на Витольда. На лице у того загуляла кривоватая укоризненная улыбка:

— Что ж вы так, товарищи офицеры... — протянул он насмешливо. — У вас что, жены во время первой половины беременности не капризничали?

Мужчины замерли, осмысливая. Потом Блеер со всего размаху шлепнул ладонью по столу и возмущенно заблестел глазами:

— Ах ты! Нет, ну когда успела-то?! Глаз ведь не сводили! Костя, — резко повернулся он к заместителю, — вы ничего этого не фиксировали?

Тот дернулся было к папке с бумагами, потом энергично замотал головой:

— Абсолютно ничего. Абсолютно! За последние месяцы к ней в квартиру мужчина заходил только один раз: тот новый

консул, — и вылетел оттуда пулей через три минуты с расцарапанной мордой. И она ни к кому в гости не заходила.

— Ну и нравы у них, получается, в этом консульстве, — протянул Блеер с осуждением, — аморалка прямо на рабочем месте.

— Да черт с ней, с аморалкой, — возбужденно отмахнулся Витольд, — если она беременна, то с «вороном»¹ мы проколемся. Надо срочно менять подход, соблазнение не работает.

— Это верно, — согласился Блеер. — Деньги?

— Сомнительно, — покачал головой психолог, — очень сомнительно.

— Нам на курсах говорили, — подал голос Жора, — если человек утверждает, что ему ничего не нужно, значит, ему нужно все.

— Сомнительно, — повторил Витольд и в задумчивости потерел кончик носа. — Может быть, внутренний авантюризм. Хотя... — и он резко прервался. — Нет, не буду сейчас гадать. Надо подумать. Ну и, конечно, наблюдать дальше — это пока только гипотеза.

— Гипотеза, гипотеза... — Блеер нервно побарабанил по столешнице. На лице его неярким отсветом проступило какое-то давнее потрясение. — Как вспомню свою... Зефир со шпротами... В два часа ночи — вынь да положь!

Офицеры понимающе заулыбались.

— Ладно, — решительно отмахнулся генерал от воспоминаний, — с «вороном»-то что тогда делать будем? Откомандировывать или перенацеливать?

Психолог вскинул глаза к потолку, словно пытаясь прочесть там ответ, потом предложил:

— Перенацеливать. Да вот, к примеру, на эту рыженькую хиппи. Комбинация из двух подходов, нацеленных на игру эмоций, с ней может быть эффективна.

— Хорошо, — легко прихлопнул ладонью Блеер и покрутил головой в каком-то непонятном восхищении. — Вот ведь... Успела как-то, зараза шустрая. Ладно, тогда давайте теперь по этой рыжей пройдемся.

¹ Оперативный псевдоним для сотрудника, специализирующегося на соблазнении женщин, представляющих оперативный интерес. Соответственно для сотрудниц, соблазняющих мужчин, утвердился оперативный псевдоним «л а с т о ч к а».

Тот же день, вечер
Ленинград, улица Комсомола

— Чтобы в будущем году — в Иерусалиме! — Язык у Женечки Сланского уже чуть заплетался, но на две еще непочатые бутылки вина он поглядывал с приязнью. — Главное — в Вене сесть на поезд, а не на самолет!

Стаканы встретились над столом, и разговор привычно рассыпался.

— Да ты пойми, — продолжил, словно и не было перерыва, жарко втолковывать Алику в правое ухо Мишка Рогинский. — Наша русская культура — вербальная! Слово у нас всегда главенствовало, и поэтому хороших живописцев мало. А иконопись — это все же работа с сакральным объектом, отдушиной художнику там служит цвет...

— Мне вот что тревожно, — шмелем гудел откуда-то слева Славка Гурфель, — мы все ждем от тех, кто уехал, каких-то свершений. Но ведь ничего нет! А может, и не будет?

Голоса остающихся друзей звучали в опустевшей комнате как неродные. Взгляд же Алика все норовил соскользнуть с лиц сидящих за их спины, на приметное пятно невыгоревших обоев. Еще два дня назад там висел ковер «два на три», привезенный десять лет назад из Ташкента. Под пятном стояла рассохшаяся кровать. На ней по ночам молодой Алик, ворочаясь с боку на бок, грезил о Ленке, здесь же однажды ее глаза впервые со сладкой мукой посмотрели куда-то сквозь потолок. Не было для него места роднее, не было — и не будет. А сегодня им предстояло провести здесь последнюю ночь и уйти, чтобы никогда уже сюда не вернуться. Проклятая эта мысль возвращалась как заколдованная.

Внезапно захотелось побыть одному, и он вышел на кухню посмолить «Родопи». Желанный сигаретный дым унял невнятную маету, но на обратной дороге ноги сами занесли его в почти пустую и тихую комнату — перепровериться еще раз.

В углу, на старом стуле, повисли в ожидании завтрашнего вылета темно-синий пиджак из тех, что называют «клубными», и габардиновые брюки, на полу рядом — почти не ношенные португальские туфли. Алик прошелся взглядом по массивным металлическим пуговицам на пиджаке и успокоился — все на месте. Он чуть pokrивил лицо, отгоняя навязчивую мысль, и тяжело опустил на сиденье.

Багаж всей их жизни уместился в трех видавших виды фибровых чемоданах, что выстроились в ряд напротив, вдоль оголившейся стены. Ленка пыталась собраться, словно на необитаемый остров, но Алик встал намертво, лично укладывая только самое необходимое. Лишь под самый конец, уступая мольбе в янтаре ее глаз, он дал слабину, и в один из чемоданов прокралась потемневшая от времени чугунная мясорубка.

Вещи, что вдруг стали ненужными, растаскивали деловито снующие родственники. По вечерам Ленка сдавленно рыдала в разоренной квартире. Глухой этот плач рвал Алику душу. Тогда он садился на пол, у кресла, обхватывал ее ноги и рассказывал, как хорошо им будет под Хайфой. Что там всегда солнечно и рядом плещет теплое море. Что во дворе домика они посадят лимон и гранат. Что оливки там можно покупать на рынке и самим давить из них дивное масло. А еще там очень, очень хорошая медицина, и у них там обязательно появится маленький — ведь для них еще ничто не поздно.

Противно скрипнула ножка стула, и Алик шевельнулся, разминая кулаки. Прислушался к веселым голосам из соседней комнаты. Потом пристально посмотрел в угол, где валялись вещи, что негодились совсем никому. Словно какая-то тяжелая тень упала на его лицо, и он нахмурился, припоминая.

Вон лежит на боку оранжевый шелковый абажур из далекого детства. Когда-то мама сшила его своими руками. Он был огромным, но невесомым — материал туго натянут на проволоку. По вечерам, из теплой постели, абажур казался маленьким домашним солнышком, и мальчик Алик засыпал, тепло улыбаясь.

Рядом валяется зонт цвета спелой вишни — большой, с длинной ручкой. Несколько спиц сломано, а кончик деревянного стержня заметно стерт. Это в далеком сорок втором дед, опираясь на зонт, как на трость, уносил годовалого Алика через Баксанское ущелье — к своему последнему инфаркту и вечному покою в каменистой обочине перевала Бечо.

А может, плюнуть на все и взять с собой?

Тихо приоткрылась дверь и в проем просунулась Ленкина голова.

— Грустишь? — Она подошла и растрепала ему волосы на затылке. Потом приобняла сзади. — Сбегай в «Экспресс», развейся. Я что-то с закуской промахнулась, не хватит. Давай-

давай, — поторопила она, — скоро уже закроется. Быстро, туда и назад, чтобы я не волновалась.

Он накинул пальто, засунул в карман авоську и бросил взгляд на часы: действительно, уже меньше часа до закрытия. Усмехнулся криво:

— Схожу в последний раз, — и шагнул за порог.

Он успел спустился на пару ступенек, когда откуда-то сверху внезапно донеслось:

— Анатолий Ефимович? Прошу немного вашего внимания.

Молодой голос был незнаком. Сердце у Алика екнуло — все неожиданное сейчас пугало. Он задрал голову, пытаясь разглядеть что-нибудь в щели между пролетами. Безуспешно: свет на площадках выше почему-то отсутствовал.

— Пуговицы пиджака... — протянул тем временем невидимый собеседник с усмешкой, и подошвы Алика словно приморозило к ступенькам, — хорошо придумано. Однако не вздумайте что-то менять, пройдете таможенно нормально. А вот Марик ваш потом вас обязательно надурит. Не верьте. Лучше доберитесь как-нибудь до Антверпена, получите там за свои камешки нормальную цену — и будет вам счастье... Анатолий Ефимович? Голос-то подайте.

— Д-да... — с трудом вытолкнул Алик из горла.

«Они все знают!» — билась в конвульсиях одна-единственная выжившая мысль.

Мир вокруг посерел, словно вдруг резко упало напряжение в сети.

— Да не волнуйтесь вы так, я не из Комитета, — прозвучало словно в ответ. — Сейчас скажу что надо, и успеете еще до своего гастронома.

Алик сглотнул, бледнея.

«Совсем-совсем все знают!»

— Так, — веско подвел черту собеседник и заговорил уже серьезно: — В аэропорту Бен-Гуриона с прибывшими репатриантами будут беседовать офицеры Шин-Бет. Вам предстоит, в интересах государства Израиль, передать им послание. Вы готовы его запомнить, Анатолий Ефимович? Давайте, включайтесь.

— Минуточку, молодой человек... — Алик почувствовал, что его начинает отпускать.

Сделка? Он категорически согласен. Вдох-выдох...

— Да, готов.

— Итак, в предстоящую субботу, всего через семь дней, — начал размеренно диктовать голос, — отряд из тринадцати палестинцев планирует совершить высадку в Тель-Авив с моря. Вооружение стандартное: автоматы, пистолеты, гранаты. Цель операции — захват отеля с заложниками наподобие того, что был проделан в семьдесят третьем, и выдвижение неприемлемых для Израиля политических требований. Запомнили?

— Да, — твердо ответил Алик, — следующая суббота, палестинцы, высадка в Тель-Авиве с моря, захват отеля, семьдесят третий.

— Хорошо... — Говорящий чуть помедлил, потом словно бы нехотя добавил: — Мы настойчиво рекомендуем нашим израильским коллегам учесть при планировании операции гидрологические особенности побережья, неизвестные десантирующимся. В это время года весьма вероятен шторм, низкая видимость и сильное течение вдоль берега, на север. Пересадка с корабля-матки в надувные лодки планируется вне видимости земли, поэтому нужно быть готовым к тому, что десант может отнести заметно севернее, и встречать их следует вдоль береговой полосы, что тянется от южной окраины Тель-Авива и аж до самой Хайфы. Запомнили?

— Да. — Алик судорожно дернул головой.

— Повторите, — повелительно сказал собеседник.

Алик облизнул пересохшие губы, прикрыл глаза и старательно, слово в слово, процитировал сообщение.

— Отлично, — похвалили его. — У вас и правда великолепная слуховая память. Даже интонации схватили... Собственно, это все, что мне надо было до вас донести.

— А вы меня ведь обманули, да? — не иначе как какой-то ершистый черт дернул Алика за язык.

— В смысле? — раздалось чуть недоуменно.

— Сказали, что не из Комитета, — с напором ответил Алик, пытаясь угледеть что-то в темной щели между уходящими вверх пролетами. — Врать — нехорошо!

— Анатолий Ефимович, — протянул голос с укоризной, — а продавать уворованный со стройки цемент разве было хорошо, а? Запомните, многие знания — многие печали. Нет, не обманул. Впрочем, думайте что хотите. А теперь идите куда шли.

Наверху послышались легкие удаляющиеся шаги. Алик чуть слышно хмыкнул и направился вниз. Он успел спуститься еще на несколько ступенек, когда сверху вдруг полетело торопливое:

— Подождите... Пойдите... — Было слышно, что собеседник колеблется. Потом все же решился: — Я сказал, что был должен. Но осталось то, что хочу.

— Я вас слушаю, — сухо проговорил Алик, мысленно приготовившись к привычным проклятиям в спину отъезжающего.

— Только вот это никому передавать не надо. Договорились? Это лично вам.

Алик криво усмехнулся и промолчал.

— Во-первых, Анатолий Ефимович, работу по профилю вы там найдете легко. Но не вздумайте по привычке тянуть со стройки — вычислят в тот же день. И сразу надолго попадете в черный список. Запомните: там вам не тут. Но это так, припевочка... — невнятно сказал собеседник и опять замялся. Потом неожиданно зачастил: — Когда приедете на место, сразу отведите свою Лену к хирургу, пусть ей внимательно посмотрят левую грудь. Я уверен, что еще можно отделаться малым страхом. Если вдруг ничего не найдет — проверьтесь у другого хирурга, а потом ходите на прием каждые три месяца.

Алик всхлипнул, втягивая вдруг загустевший воздух, и привалился плечом к стене. Перед глазами поплыли разноцветные круги.

— Удачи вам, — донеслось сверху и следом задумчиво, словно подводя итог: — Она вам понадобится.

Где-то высоко над головой негромко хлопнула дверь на чердак. Ноги у Алика ослабели, и он не глядя сполз на грязную ступеньку.

— Сейчас, Лен, сейчас, — прошептали посиневшие губы, — вот отдышусь только — и сразу в гастроном...

ГЛАВА 2

Воскресенье 5 марта, день

Ленинград, Пулково

Серьезные машины всегда красивы. А этот ТУ-134 был серьезен, как кадровый военный, в кои-то веки натянувший на себя вдруг идеально севший гражданский костюм. Плавные

линии и зализанные стыки, отсылающие к стратегическим бомбардировщикам шестидесятых, большие круглые иллюминаторы — дань эстетике космической эпохи — и мощные, явно рассчитанные на более тяжелую машину двигателя. Да, все это даже не намекало, а прямо говорило, что в случае особой на то необходимости этот пижон может поменять «обвес» и быстро преобразиться в нечто иное — хищное и целеустремленное.

Хвостовое оперение, из окна аэропорта казавшееся легкомысленным, словно срисованным с ласточки, вблизи обрело свой истинный размер и походило теперь на вздыбленный перед ударом вниз хвост исполинского синего кита. Видимо, так казалось не только мне: пассажиры, по пути к трапу обтекавшие самолет стороной, все равно косились вверх и непроизвольно вжимали головы в плечи.

Я оглянулся: лента подземного транспортера выплевывала в застекленную шайбу причального зала последних попутчиков. Что ж, пора и мне, а то стюардесса у трапа уже начала с легкой обеспокоенностью поглядывать на одинокого подростка, что застрял у выхода на поле. А оно мне надо — привлекать сейчас внимание? И я двинулся к самолету.

Шанс, что КГБ будет потом шерстить пассажиров сегодняшних рейсов на Москву, был немал — не стоит недооценивать Контору. Конечно, Комитет не всемогущ, но «порядок бьет класс», и я предпочел не бодаться с отлаженной системой, а просто воспользоваться чужим свидетельством о рождении. Ради этого пришлось израсходовать дефицитный ресурс брейн-сёрфинга на поиски воспоминаний о квартирных пожарах этой зимы, а затем брэнчать отмычками и изымать обреченный в ином варианте бытия документ на своего ровесника. Зато теперь по ступенькам трапа бодро поднимался вовсе даже не Андрей Соколов, а Вася Крюков — именно эти данные остались в кассе на билетном корешке.

Был этот Вася нескромно приметен: затемненные очки-велосипеды под Леннона, пакет с ночным видом Нью-Йорка и яркая куртка с психоделическими вставками. Надеюсь, именно этим он и запомнится.

«Все, вот теперь можно и расслабиться на часок», — выдохнул я с облегчением и плюхнулся в кресло у окна.

За иллюминатором, совсем недалеко, застыл тихий заснеженный лес. Пара крупных воронов вальяжно перескакивала с

ветки на ветку. Я невольно позавидовал их простой животной жизни.

«Что-то я себя загоняю... Прямо «и вечный бой, покой нам только снится». За зиму ни разу в Павловск не выбрался, — посокрушался я. — Как бы с Томкой вдвоем, да на финских санях порассекать?»

И я невольно покривился, вспомнив, как изворачивался вчера перед ней, объясняя, почему мы не встретимся ни вечером, ни завтра.

Ложь, мелкая регулярная ложь наглым непрошеным гостем вторглась в мою жизнь. Я врал тем, кто мне верит. Я врал той, что любит. Это было унижительно, и порой я себя презирал. И еще этот липкий страх разоблачения... Я даже не знаю, что буду делать, когда вся эта ложь поползет наружу.

«Нет, точно надо будет нам выбраться за город, пока снег еще лежит, — пообещал я сам себе, отгоняя подальше мрачные предчувствия, а потом, пока не забыл, сделал в памяти еще одну пометку: — Залезть в классный журнал и узнать адрес Мелкой. А то два дня ее в школе нет... Заболела, наверное, а я даже не знаю, куда идти, чтобы проведать».

Как-то так само собой сложилось, что я стал приглядывать за этой девочкой. Это не было повседневной заботливой опекой. Скорее, я взял за правило контролировать ее издали. Мы не часто разговаривали и почти никогда — один на один. Зато научились обмениваться взглядами и понимать их значение.

Я чувствовал, что нравлюсь Мелкой. Но она не пыталась вклиниться в мои отношения с Томой, и я был ей за это глубоко благодарен.

Она, в свою очередь, знала, что я приглядываю за ней, и молчаливо признала за мной такое право. В том с ее стороны не было какой-то расчетливой корысти, лишь греющее душу доверие. Странно, но оно порой возвышало меня в собственных глазах больше, чем все письма Андропову, вместе взятые.

Я отвернулся от иллюминатора, прикрыл веки и еще раз мысленно пробежался по своему графику: «Пять часов между прилетом и обратным вылетом. Час на регистрацию, два часа дороги... В самый притык получается!»

Успокаивало меня лишь то, что в потайном кармане куртки, рядом с письмами на итальянском, лежало два запасных билета на более поздние рейсы.

Нет и еще три года не будет в Ленинграде итальянского консульства, поэтому мне приходилось устраивать эту эскападу на выезде, к тому же с неясными шансами на успех. Но другого плана у меня сейчас просто нет, поэтому буду играть этот политический карамболь.

Самолет качнуло, началась рулежка. Взгляд мой бездумно скользил по уплывающим назад елям, изредка цепляясь за белые полосы березовых стволов, а мысли, словно то воронье, все кружили и кружили над одним и тем же местом: «Ничего личного, так надо. В тот раз было Иоанном-Павлом Вторым больше, в этот раз будет меньше. Шальной джокер, что история дружелюбно подкинула Бжезинскому — символ и флаг раздуваемого им в Польше пожара, — ну зачем он ему? Пусть будет по-честному, без этих поддавок и подарков. Афганистан, не совсем адекватный Брежнев, «польский папа», корейский «боинг», Чернобыль... Я пересдам карты заново, тогда и посмотрим, чья возьмет».

Тонкий свист турбины наполнил салон, пробирая до самых костей, — пилот, удерживая тормоза, вывел движки на взлетный режим. Самолет застыл, чуть подрагивая, словно кошка перед прыжком. Потом меня вжало в кресло, а свист вдруг обрел необыкновенную глубину и силу, превратившись в рев неведомого зверя. Мелькнуло своими гигантскими перевернутыми «стаканами» здание «Пулково», и мы оторвались от бетонной полосы — легко и мощно. Сразу пошел крутой набор высоты, и Ту воткнулся в облака. В салоне резко потемнело, мелко затрясло, и заложило уши.

«Папабили — какое забавное слово...» — подумал я, отворачиваясь от окна.

Черед пап семьдесят восьмого года, двое похорон и две интронизации, закулисная борьба мощных ватиканских группировок — вот точка приложения моих сегодняшних усилий.

Смерть Павла VI от инфаркта в августе этого года в моей истории никого не удивила — понтифику было за восемьдесят. А вот скоропостижная кончина его сравнительно молодого преемника, Иоанна-Павла I, происшедшая при подозрительных обстоятельствах почти сразу после интронизации, породила вал версий, будоражащих умы и десятилетиями позже.

Участники же последнего, октябрьского конклава оказались расколоты на сторонников двух претендентов — лидера консерваторов Джузеппе Сири, архиепископа Генуи, и более

либерального Джованни Бенелли, архиепископа Флоренции. Кандидатура первого набрала большинство, но кардинал по личным соображениям опять (уже в третий раз!) отказался от папской тиары. Тогда и сошлись на подвернувшемся под руку поляке Войтыле, который оказался компромиссным решением для конкурирующих группировок.

«Какая тонкая, неочевидная историческая цепочка! — удивился я, исследовав ситуацию. — А где тонко — там и рвется. Тут можно поработать».

Сегодня я попробую отодвинуть смерть Павла VI хотя бы на несколько месяцев. Глядишь, и не появится Иоанн-Павел I, а там уже, после такого сдвига истории, у Войтылы не будет ни одного шанса... Не то чтобы это само по себе снимет польский кризис, но вот облегчить его течение может. Такими шансами в моем положении пренебрегать нельзя.

Получится или нет — не знаю. В определенном смысле это будет натуральный исторический эксперимент. Случайно ли инфаркт настиг Павла VI вскоре после похищения и убийства виднейшего итальянского политика Альдо Моро? Они ведь дружили больше сорока лет, с довоенной поры, когда будущий папа был капелланом Федерации католических студентов, а Альдо Моро — ее молодым руководителем. После похищения политика «красными бригадами» Павел VI неоднократно предлагал себя на обмен, а после убийства — лично провел последнюю свою заупокойную мессу. Протянет ли его сердце хотя бы несколько дополнительных месяцев, если убрать этот стресс?

Я собирался проверить это на практике. Осталось исполнить задуманное: донести конверты до получателей — генерала Джулио Грассини в SISDe¹ и, копией, до надзирающего за ним Франко Евангелисти. Этого должно хватить. Они землю будут рыть хотя бы из чувства политического самосохранения.

Конечно, утечки неизбежны — латиняне болтливы, словно ветреные девицы. Без сомнения, о письмах из Москвы очень быстро узнает ЦРУ — вероятно, уже на предстоящей неделе. Соседи по континенту традиционно просвечивают Рим свои-

¹ Il Servizio per le informazioni e la sicurezza democratica (Служба информации и демократических гарантий) — служба внутренней безопасности Италии.

ми спецслужбами, а значит, к концу месяца в курсе будут и Лондон, и Стокгольм, и Бонн... Да и Берлин, пожалуй, тоже.

А масонскую ложу «Пропаганда-2» можно вообще считать почти официальным адресатом — оба министра-получателя являются ее членами. Конечно, от масонов там осталось только название: так-то это удобная, почти клубная форма прикрытия вполне традиционной специальной и полулегальной политической деятельности вокруг интересов влиятельных групп. Таких в Италии много, поэтому знать будут все.

Следовательно, о «московском письме» дней через десять услышат и на Лубянке.

«Как быстро они придут к очевидному выводу? Уверен, с утечкой по «Хальку» КГБ уже разобрался. И тут парный случай, в Италии... Я даже знаю, какой следующий вопрос задаст мне Юрий Владимирович... — И я мысленно поморщился. — Остается надеяться, что оно того стоит. Да и все равно шила в мешке долго не утаишь...»

Мы вынырнули из серой мглы. Салон залило ярким, неожиданно теплым солнечным светом. Я задернул матерчатую шторку и нахмурился в раздумьях. Озадачил меня вчера Юрий Владимирович, ох и озадачил. Совсем не такого вопроса я ожидал от второго сеанса связи.

«Что для вас «советский человек»?»

Умен Андропов: мягко вытягивает меня на разговоры «за жизнь». Простой вопрос, предлагающий широкий выбор вариантов для отвечающего. Такой ход позволяет завязать диалог с обстоятельным развертыванием понятий. М-да... А используемая мною личная семантика обязательно многое расскажет специалистам.

Можно, конечно, разразиться в ответ «красной истерикой». Пусть думает, что на другом конце провода сидит экзальтированный коммунар, случайно награжденный даром свыше. «Сумасшедший пророк» — не самая плохая маска для меня, так можно играть годами.

Но только для дела она крайне вредна. Слишком велика ставка для легкомысленных игрищ. Мне нужно хотя бы минимальное доверие получателя — теперь уже не к передаваемой фактологии, а к моим мотивам.

«А впрочем, к черту страхи! — подумал я. — И правда, что для меня «советский человек»? Понятно, что это не синоним жителя СССР. Это — специзделия, это — вершины социаль-

ной и педагогической селекции. Но их хватало, и они были заметны».

Я потер лоб, пропуская через себя память: советский человек... Каким он был?

За шелухой казенной идеологии он ясно видел будущее — справедливый мир единого человечества. На меньшее советский человек был не согласен, и оттого тесно ему было в настоящем. Этим масштабом он мерил все вокруг — и себя, и потому был свободен, как никто до него.

Я верю — там, откуда я ушел, СССР однажды вернется, пусть называться та страна будет иначе. И советский человек вернется. А быть может, он никуда и не уходил: лишь сделал шаг в сторону да смотрит с усмешкой за потугами временщиков-мещан. Они выгрызли СССР изнутри точно крысы, поселившиеся в головке сыра. Но разве у кого-то повернется язык назвать таких крыс победителями? Создавать — не выгрызать. Будущему нужны люди с настоящей мечтой — о счастье для всех. И такие люди придут. Они вернуться. Я верю.

А здесь... Здесь мне повезло. Советский человек еще никуда не ушел. Мне надо не забывать, что я — не один. Что мне — повезло. «Я счастливый, как никто...» — улыбка бродила по моему лицу, пока я мурлыкал про себя куплет.

«Спасибо, Юрий Владимирович. Спасибо за хороший вопрос. Нет, так я отвечать не буду. Придумаю что-нибудь еще. Но за правильный вопрос — спасибо».

Эту улыбку я пронес через весь полет, и даже сквозь зал «Шереметьева» к такси я так и шел — с улыбкой.

*Тот же день, позже
Москва, Лубянка*

Из светло-оливковой «Волги» я высадился напротив «Детского мира». Через площадь, невольно притягивая взгляд, высился Комитет. От привычного строгого фасада сейчас была только правая его половина, несимметричная и кургузая. Прилепившийся слева бывший доходный дом выглядел, благодаря щедрому дореволюционному декору, кукольно-несерьезно. Уцелевшие на его башенке женские фигуры, символизирующие Справедливость и Утешение, невольно наводили на совсем уж крамольные мысли. Неудивительно, что совсем скоро

знакомый фасад задрапирует весь квартал, обретя наконец свою монументальную законченность.

А еще, вскинувшись разящим мечом своей эпохи, стоял посреди площади Железный Феликс. Каким-то неведомым образом он собирал разбросанные вокруг разномастные здания в столь редкую для Москвы архитектурную композицию. Выдерни его — и все рассыплется.

«Нет, все-таки Вучетич был гений... — решил я, — и как это милосердно, что ликующие варвары расправлялись с памятниками уже после его смерти. Стать частью коллективного Герострата легко: не надо даже дергать за веревку, лишь крикни со всеми «вали!» Короткий миг — и вот ты уже в одном строю с теми, кто раскладывал на площадях костры из книг. Рабы истории... Они рабами и остались, сколько бы статуй ни повалили, сколько бы ни уничтожили библиотек. Свобода добывается иначе».

Я двинулся к цели, нет-нет да и поглядывая на грозные окна невдалеке. Уместно было бы как-то тонко пошутить, но с этим у меня сегодня не задалось. Вместо этого я еще раз придирчиво оглядел себя и остался доволен: переодевшись, Вася Крюков стал неприметен, аки серая мышка.

— *Lux ex tenebris. Audi, vidi, tace,* — негромко размял я горло латынью. — *Fiat lux et lux fit!*

В холодном московском воздухе слова «вольных каменщиков» звучали напыщенно и нелепо. Да и как еще они могли звучать в месте, где в десяти шагах справа, на Кирова — каменные мешки подвалов Тайной канцелярии, а слева, за стенами — не менее знаменитая внутренняя тюрьма Лубянки, что являлась мне в кошмарных снах этой зимы?

Я заткнулся и ускорил шаг.

Была, определенно была своя ирония в том, что эту операцию мне приходилось проводить в самом просматриваемом квартале страны: даже за кремлевской стеной плотность наблюдения ниже. Но других вариантов не нашлось. Теперь я шагал по почти пустому переулку, и вслед мне топорщились из-за забора странного вида антенны одного из самых режимных объектов страны — центра засекреченной связи. Звуки

¹ Свет из тьмы. Услышь, узри и молчи. Да будет свет, и стал свет (лат.).

моих шагов отражались от фасадов следственного управления Комитета, отдела кадров, столовой...

Несомненно, я попадал сейчас на пленку: камер тут натыкано — что булавок в бабушкину подушечку. Наглости мне придавало знание двух вещей. Во-первых, вся система наблюдения в квартале заточена на предотвращение проникновения на режимные объекты, а мне туда совсем даже не надо. А во-вторых, через неделю, при отсутствии происшествий, все пленки за сегодня сотрут. Этого должно хватить: КГБ просто не успеет узнать, что передача посланий была осуществлена именно здесь, буквально на их заднем двореке.

Но все равно меня одолевали сомнения. Не совершаю ли я свою последнюю глупость? Может быть, есть смысл отменить операцию и просто пройти мимо?

Нет. Я сжал упрямо челюсти и свернул к храму Святого Людовика Французского, единственному действующему католическому приходу Москвы.

У приземистого портика с мальтийским крестом на фронто-не было безлюдно — вторая служба уже началась. Под ноги мне легли вытертые за полтора столетия ступени. Потом я шагнул в храм.

Справа, в притворе, стояла чаша. Я макнул пальцы в воду, обмахнулся ладонью. Сделал три шага вперед и припал на правое колено перед табернакулой¹, осенив себя еще одним крестным знаменем. Потом прошел в центральный неф и сел к краю на жесткую скамью.

Немногочисленные тетки в вязаных шапках чуть покосились на меня, но я уже наклонился вперед, молитвенно сложив ладони (а заодно прикрывая часть лица), и зашептал вслед за пастырем:

— *Laetare Jerusalem: et conventum facite omnes qui diligitis eam*²...

Спустя минуту интерес ко мне со стороны пожилых прихожанок угас. В любом случае по возрасту я уже вполне мог пройти конфирмацию, так что приставать ко мне с вопросами во время службы всяко никто не стал бы.

¹ Табернакула — дарохранительница, где постоянно хранится освященный хлеб, почитается как место постоянного присутствия Бога.

² Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нем, все любящие его... (*лат.*) (Ис. 66:10)